

IV «Симфония властей»: взаимодействие власти и авторитета

Исаев И. А.

доктор юридических наук, профессор, Ветеран МГЮА, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Содержание статьи: статья посвящена проблеме взаимоотношения церковной и светской власти в так называемом состоянии «симфонического» единства в средние века в Европе и России. Власть патриарха и императора оказались сбалансированными и включенными в сферу действия канонического и имперского (римского) права. Особый случай представляла «симфония» в России X–XVII вв.

1. Идея «симфонии» коренилась в априорном принципе солидарности, духовной и организационной, на котором строился еще монизм древнехристианской общины. Единство и, одновременно с ним, автономность заложили методологическую основу для «симфонической» конструкции позднейшего византийского периода. Церковная автономия проявилась в разделении функций: оставаясь вне императорской юрисдикции, Церковь осуществляла духовное заступничество империи перед Богом.

Авторитарная попытка Юстиниана восстановить утраченную Римскую империю не изменила ситуации. В VI новелле принцип «симфонии» получил идеологическое и юридическое обоснование. Церковь, как организация, рожденная еще до оформления юстиниановой империи, могла стать союзником государства в

решении задач, не свойственных империи. В VI новелле «симфония» священства и царства уподоблялась взаимодействию души и тела человека, переноса антропологическую аналогию на церковно-государственные отношения.

Христианская метафизическая антропология перелагалась на язык норм с учетом традиционного авторитета епископии, который империя могла с успехом использовать в своих целях. В государственно – правовую сферу оказались включены двухвековые напластования этических идей и построений, составивших источниковую и нормативную базу новой общности.

По мысли Юстиниана Церковь и государство различаются не иначе, как два социально-нравственных порядка, действующих каждый в своей сфере и олицетворенные в священстве и императорской власти.¹

Такое нравственное единодушие достигалось этическим единодушием закона и канона, скоординированных властью государственных и церковных постановлений. В Номоканоне указывалось, что законы, противоречащие канонам недействительны. Логическим последствием стало формальное сближение закона и канона, право императора наблюдать за тем, чтобы канонические правила соблюдались самим церковным управлением и право отменять соответствующие церковные распоряжения, если император находил их несогласными с законами и канонами.²

Подобные контролирующие функции указывали на вторичную роль императорской власти в образовавшейся «симфонии». Авторитет светской власти питался авторитетом власти духовной, которую он стремился укрепить мерами организационно-правового порядка. Именно с этой внешней для церкви стороны начался процесс ее институализации и структурирования.

1 См. Заозерский Н. О церковной власти – Сергиев Посад, 1894. С. 156.

2 Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – СПб., 1992. С. 153.

2. Через воцерковление всех сторон жизни Империи, после придания христианству статуса государственной религии, предполагалось воссоздать и римский мир, но уже на основе православия. Политическая теология, предполагавшая богоустановленность священства и царства в пределах единой христианской империи, формулировала также и идею о вселенском императоре, наместнике Христа на земле. Империя становилась отражением Небесного града и его орудием. Фигура императора включалась в систему канонического права, и уже Константин постарался придать своему государству характер монархической общины, во главе которой встал сам император.

Наложение друг на друга римской и христианской идеи дали неожиданный результат. От императора ожидали возрождения римского могущества, от христианства – переноса небесного града на землю. Две авторитетных идеи, дополняя друг друга, породили «симфонию» властей. Обе идеи базировались на предании и воображении. Нормирующими факторами могли стать в этой ситуации каноническое и ... римское право. Однако такой нормативный синтез мог возникнуть только через посредство конвенциональных форм. Правовая «симфония» могла быть учреждена путем соборного соглашения, но не односторонним и императивным способом.

Соборность стала одним из условий «симфонического» единства. Интеграция Церкви и империи подкреплялась авторитетом институтов и традиций, репрезентирующих власть Христа и апостолов. Вселенские соборы V века должны были придать своим догматическим постановлениям статус государственных законов. Процесс воцерковления отнимал у цезарей единоличное право на установление религиозных законов, подчиняя их соборным решениям Церкви. Рецепция римского права, проводимая Юстинианом, основывалась уже на признании явных приоритетов церковного права и веры над всеми остальными разделами права: *Catholica lex* стал означать «симфонический» церковно-государственный закон.

В преамбуле к Эпанагоге (IX век) человек по-прежнему был представлен как духовно-телесное существо, состоящее из противоборствующих элементов. Его охраняет Закон, утверждающий целое и превращающий всякую двойственность в единство. Этот закон есть самодержец, идентичный императору: монархия, аристократия и демократия смешиваются здесь под предводительством закона. Каноническое учение о том, что само государственное управление, как «искусство», есть по преимуществу служение Богу, расширяло пространство государственной власти, включая в него функции и задачи защитника и пастыря. Духовная и светская юрисдикция в значительной степени соединялись.

Две власти, два института, два типа служения не противопоставлялись друг другу. Акцент делался на согласии и гармонизации того, что следовало также и различать – не взаимопроникновение Церкви в Империю, а Империи в Церковь. Система «симфонии» семантически соответствовала евангельскому идеалу, демонстрируя неразличимость границы между Церковью и государством, их антиномическим «неслиянием и нераздельностью».

3. Церковная рецепция римского права заметным образом повлияла на формирование собственно соборных процедур. Римское право в качестве церковного права подвергалось рецепции в момент появления первых канонических сборников, предложивших систематизацию церковного права, а кризис имперской государственности на Западе стимулировал развитие в Риме юрисдикционного централизма.³

Римско-католическая церковь (опять же используя авторитет римской имперской идеи) смогла стать организационным центром христианской Европы. Этому способствовали как ее религиозный авторитет, единственный духовный фактор, соединяющий погрязших в

3 См. Митрофанов А. Ю. Церковное право и его кодификация в период раннего Средневековья (IV–XI вв.). – М., 2010. С. 35–36.

междоусобной борьбе светских правителей, так и последовательная борьба с внутрицерковными расколами и ересями. В ходе этой борьбы Церковь использовала как нормы собственного канонического права, так и государственно-правовые установления, все больше принимая образ особого «церковного государства» и тем самым удаляясь от первичного евангельского идеала.

Рудольф Зом заметил в этой связи, что церковное право стоит в явном противоречии с сущностью Церкви. Церковь хочет быть водимой, управляемой господством Божественного духа, право производит только человеческое господство и держится главным образом формы. Католицизм утверждал, что правовой порядок необходим Церкви, без папы, епископов и священников нет Церкви, поэтому он предполагал наличие некоего «божественного права», утверждающего такой порядок. Однако, история права показывает, что все развитие церковного права определяется тем фактом, что Церковь в силу своей сущности не хочет никакого церковного права.⁴ Церковная институализация, с этой точки зрения, оценивалась как самодостаточное явление, не нуждавшееся во внешнем оформлении и воздействии. Церкви достаточно ее авторитета, чтобы сохранить власть и не требуется дополнительного правового оформления. (Напротив, Карл Шмит неоднократно подчеркивал юридизированный характер католической церкви, воспринятый вместе с римским правом). Вопрос ставился следующим образом: обеспечивается существование «симфонии» властей формальным и правовым порядком или она держится исключительно на авторитете каждой из этих властей?

Казалось, что решение проблемы было достигнуто активным вмешательством государственной власти в сами церковные дела. Уже во время монофизитских споров, издаются вероисповедные указы, в которых формулировались критерии «кафолического христианства» и

4 Зом Р. Церковный строй в первые века христианства. – СПб., 2005. С. 11–12.

осуждались «еретические писания» несториан. Императоры, начиная с Константина, не только председательствовали на церковных соборах, но и отменяли каноны вселенских соборов (как сделал Алексей Комнин), вынося решение от своего собственного имени. Место римского прагматического *jus sacrum* стало занимать каноническое право «*catholica lex*», ставшее частью имперского права.

4. Выполняя важную функцию политического объединения, Западная церковь сумела выстроить устойчивую иерархию власти, поставив во главе ее единственную и максимально авторитетную в своей непогрешимости фигуру первосвященника. «Папоцезаризм» не мог допустить сбалансированной и равновесной «симфонии».

В конце V века римский папа Геласий сформулировал идею о том, что предстоятель Римской церкви обладает первенством не в силу действия соборных постановлений, но в силу того, что он является преемником апостола Петра, первого римского епископа. Традиция и преемственность породили авторитет власти. Юридическое обоснование верховенства именно Римской церкви базировалось на рецепции римского права предшествующего времени.

Но соборная форма еще долгое время будет использоваться на Западе, в частности в борьбе с арианством. Вместе с тем независимость и верховенство Римской церкви обосновывалось здесь в ходе борьбы и с явно монофизитствующей имперской церковью в Константинополе, что дополнительно стимулировало и создание корпуса канонического права. Соборы в силу традиции и авторитета приобретут значение «государственных» органов, оставаясь влиятельной централизующей политические процессы силой и придавая Империи, пусть и химерические, но черты единства и целостности.

Власть, производя, организует, а, организуя, она говорит и выражает себя как авторитет.⁵ Империя не

5 Филиппов А. Ф. Новое об империи/Социологическая теория: история, современность, перспективы. СПб, 2008. С. 742.

подавляет, но включает в себя. Имперская идея, поэтому, всегда оставалась антагонистом «симфонии»: «ее движитель не стабилизация, но экспансия». «Симфония» в публично-правовом смысле была чем-то похожа на конфедерацию, как публично-правовое состояние она всегда оставалась достаточно краткосрочной и неустойчивой. Симбиоз «Церковь-Государство» в чистом виде исторически образовался только однажды в ситуации, когда решение первых церковных соборов стали иметь силу закона, и когда Церковь проявила себя как государственный институт.

В дальнейшем оба института остаются в дуальном положении взаимодействующих структур, уже никогда не соединяясь воедино. «Симфония» на все времена станет недостижимым идеалом и воспоминанием, сакральной утопией теократического типа, и Арнольд Тойнби заметит, что церковь удачно использовала достижение и опыт переживающего упадок универсального государства для создания новых, своих собственных экumenических институтов, привлекая для службы в них выдающихся людей, которых не «смогло надлежащим образом использовать государство».⁶

5. В свойственной Востоку политической организации константинопольский император занимал почти то же место, что и папа римский. Оказавшись в роли первосвященника, император также использовал модель «симфонии» для укрепления политического единства, но христианская империя с ее принципом универсальности предназначалась для решения более важной задачи – домостроительства человеческого спасения. Император выступал как сын Церкви, подданный той власти «вязать и решить» человеческие грехи, которой обладал лишь епископат.⁷

Православная Церковь сама наделяла монарха правами старшего епископа. В этой роли его деятель-

6 Тойнби А. Постигание истории. – М., 1999. С. 520.

7 Дагрон Ж. Император и священник. – СПб., 2010. С. 373.

ность ограничивалась уже принципами и нормами канонического права, что особенно наглядно проявилось в построении судебно-административной системы, а элементы соборности пронизывали всю организацию властных структур.

Если поместные соборы Запада принимали решения обязательные для светских правителей, а проблема инвеституры там еще долго оставалась политически актуальной, соборы Восточной церкви все более становились похожими на сословно-представительные учреждения Империи.

Гибель Империи в XV веке не привела к политическому усилению Церкви, что было вполне естественно. Церковно-духовный центр переместился в пространстве, сохранив традиционные отношения с верховной светской властью. Ранее подготовленная правовая база в форме кормчих книг и ранних княжеских уставов для Церкви установили четкие границы между обеими сферами, не позволяя им, сливаться друг с другом. Состояние «симфонии» даже не презюмировалось и воспринималось как дурное смешение властей (против чего позднее и выступали «старообрядцы»).

Вместе с тем идея преемственности с Византией, ее империей и Церковью, была умело использована в политических целях самим государством. Принятие русским государством православной религиозности и церковности под свою защиту подпитало его авторитет. Благодарная Церковь придавала теперь уже национальной государственности черты сакральности и священного царства. С этим связывалась и идея создания Царства Божьего на земле. Однако такое слияния властей не создавало «симфонии». Церковь не претендовала на всеобщий охват даже в духовной сфере, ограничиваясь заботой об автономии собственной организационной и правовой сферы.

6. Церковная и духовная зависимость русских князей от византийского императора и патриарха создавала определенное юридическое препятствие на пути втор-

жения светской власти в сферу церковной юрисдикции. Вместе с тем христианская идейная легитимация власти («всякая власть от Бога») усиливала ее авторитет, а заодно порождала идею богочеловеческой природы верховной власти правителя. В перспективе, уже после падения Византийской империи, московские князья использовали эту идеологию для провозглашения себя «вселенскими царями». Москва становилась «третьим Римом». Каноническая самостоятельность русской Церкви сопровождалось усилением ее политической зависимости от национальной власти, ставшей преемником властных традиций византийских императоров.

Следствием этих процессов стала активизация участия государственной светской власти в осуществлении церковно-судебных действий. Юридическую базу сформировал Стоглавый собор 1551 года; решения которого были направлены на реформирование всех сторон церковной жизни по образцам византийской теократической идеологии. «Это был момент кристаллизации московской теократии, когда психологический фокус русского религиозного самоопределения сошелся в сердце московского единодержавца. Это была ... соборность, свернувшая, собравшаяся в одну точку, но именно соборность, а не личный произвол».⁸

И борьба с расколом в значительной степени носила государственно-политический характер. Государство взяло на себя заботу о чистоте, духовности и культа. Выдвинув эти задачи, государство признало особые приоритеты Церкви, древность и незыблемость ее авторитета. Но взяв ее под защиту официально и юридически (В Соборном Уложении 1649 года), государство откроет дорогу всем последующим правовым регламентациям и ограничениям, которые оно примет уже в начале XVIII века.

Соппротивление Церкви государственной экспансии и ее стремление сохранить независимость духовной власти, вернуться к идеальному символу «симфонии»

8 Карташев А.В. Вселенские соборы и соборность//Церковь.

проходило на фоне церковного раскола. Аргументом в этой борьбе было не формальное юридическое положение патриарха, но именно его авторитет, побуждавший верховную власть мириться с его автономностью. Временная победа тогда досталась Церкви, царь подчинился Соборному приговору, суд, администрация и финансы Церкви все еще оставались в руках духовенства, и это продолжилось вплоть до начала XVIII века.

7. Как писал Иван Киреевский, Церковь «проникая все умственные и нравственные убеждения людей ... невидимо вела государство к осуществлению высших христианских начал, никогда не мешая его естественному развитию». По мнению славянофилов, на Руси не было ни жесткой сословной разобщенности, ни «церковности мирских устройств», типа духовно – рыцарских орденов, инквизиционного судилища и других светско-духовных установлений Запада. Правовое развитие основывалось преимущественно на коренном единомыслии, на убеждениях, но не на мнениях.⁹ Корни «симфонического» единства лежали в органическом устройстве самого общества, в вере и авторитете православия, но не в юридических предписаниях и внешнем, завоевательном насилии. Рассудочному богословию Запада противопоставлялось внутренняя ценность духа и «живая совокупность» Востока. Византийская «симфония» в чистом виде была воспринята именно здесь.

Идея «Москва – Третий Рим» только подчеркнула православный сакральный характер русского царствования, формализовала сам концепт «симфонии», выделив при этом ее пространственные координаты. Не изменяясь во времени, как некое смысловое единство, «симфония» перемещалась по поверхности земли, тем самым актуализируя и усиливая свой овеществленный

9 Киреевский И.Н. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России//Избранные статьи. – М., 1984. С. 235.

аспект: идея собирания земель уже была чревата этатистскими, «имперскими» амбициями.

Русский монарх не принимал на себя функцию первосвященника, как это имело место в Византии, воспринявшей традицию римского понтификата. Но автономное положение Церкви уже в X веке было очерчено юридическими рамками Устава. Стремление к разделению сфер властвования и юрисдикций представлялось более ощутимым, чем стремление к соединению, слиянию двух сфер: сакральной и светской.

Русская национальная церковь подчинялась распоряжениям константинопольского патриарха, однако правовым предписаниям императоров (включенным в Свод законов Иоанна Схоластика и Номоканон) она должна была предпочесть «частные законы», основанные на самостоятельных гражданских источниках церковной юрисдикции.¹⁰ Такая ситуация также усиливала роль государственного фактора в рамках «симфонии» властей и поддерживала тенденцию к дальнейшему отделению канонического права от права государственного. Но одновременно с этой тенденцией усиливалось и вмешательство государственной власти в разные сферы церковной юрисдикции. Государственное законодательство расширяет область своего воздействия внутри церковного мира, регламентируя своими указами порядок избрания иерархов, вопросы церковной дисциплины и церковного суда. Судебно-процессуальная и уголовно-правовая компетенция церковных судов постоянно сужалась ... К XVIII веку «симфония» как система равновесия властей и как идея окончательно разрушается.

10 Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. – М., 1991. Т.1. С.192–193.

Тезисы

1. Идея «симфонии» коренилась в априорном принципе солидарности, духовной и организационной, на котором строился еще монизм древнехристианской общины. Единство и, одновременно с ним, автономность заложили методологическую основу для «симфонической» конструкции позднейшего византийского периода. Церковная автономия проявилась в разделении функций: оставаясь вне императорской юрисдикции, Церковь осуществляла духовное заступничество империи перед Богом.

Подобные контролирующие функции указывали на вторичную роль императорской власти в образовавшейся «симфонии». Авторитет светской власти питался авторитетом власти духовной, которую он стремился укрепить мерами организационно-правового порядка. Именно с этой внешней для церкви стороны начался процесс ее институализации и структурирования.

2. Через воцерковление всех сторон жизни Империи, после придания христианству статуса государственной религии, предполагалось воссоздать и римский мир, но уже на основе православия. Политическая теология, предполагавшая богоустановленность священства и царства в пределах единой христианской империи, формулировала также и идею о вселенском императоре, наместнике Христа на земле. Империя становилась отражением Небесного града и его орудием. Фигура императора включалась в систему канонического права и уже Константин постарался придать своему государству характер монархической общины, во главе которой встал сам император.

3. Церковная рецепция римского права заметным образом повлияла на формирование собственно соборных процедур. Римское право в качестве церковного права подвергалось рецепции в момент появле-

ния первых канонических сборников, предложивших систематизацию церковного права, а кризис имперской государственности на Западе стимулировал развитие в Риме юрисдикционного централизма.

Римско-католическая церковь (опять же используя авторитет римской имперской идеи) смогла стать организационным центром христианской Европы. Этому способствовали как ее религиозный авторитет, единственный духовный фактор, соединяющий погрязших в междоусобной борьбе светских правителей, так и последовательная борьба с внутрицерковными расколами и ересями. В ходе этой борьбы Церковь использовала как нормы собственного канонического права, так и государственно-правовые установления, все больше принимаемая образ особого «церковного государства» и тем самым удаляясь от первичного евангельского идеала.

4. Выполняя важную функцию политического объединения, Западная церковь сумела выстроить устойчивую иерархию власти, поставив во главе ее единственную и максимально авторитетную в своей непогрешимости фигуру первосвященника. «Папо-цезаризм» не мог допустить сбалансированной и равновесной «симфонии».

Но соборная форма еще долгое время будет использоваться на Западе в частности в борьбе с арианством. Вместе с тем, независимость и верховенство Римской церкви обосновывалось здесь в ходе борьбы и с явно монофизитствующей имперской церковью в Константинополе, что дополнительно стимулировало и создание корпуса канонического права. Соборы в силу традиции и авторитета приобретут значение «государственных» органов, оставаясь влиятельной централизующей политические процессы силой и придавая Империи, пусть и химерические, но черты единства и целостности.

5. В свойственной Востоку политической организации константинопольский император занимал почти то же место, что и папа римский. Оказавшись в роли первосвященника, император также использовал модель

«симфонии» для укрепления политического единства, но христианская империя с ее принципом универсальности предназначалась для решения более важной задачи – домостроительства человеческого спасения. Император выступал как сын Церкви, подданный той власти «вязать и решить» человеческие грехи, которой обладал лишь епископат.

Православная Церковь сама наделяла монарха правами старшего епископа. В этой роли его деятельность ограничивалась уже принципами и нормами канонического права, что особенно наглядно проявилось в построении судебно-административной системы, а элементы соборности пронизывали всю организацию властных структур.

Если поместные соборы Запада принимали решения обязательные для светских правителей, а проблема инвеституры там еще долго оставалась политически актуальной, соборы Восточной церкви все более становились похожими на сословно-представительные учреждения Империи.

Вместе с тем идея преемственности с Византией, ее империей и Церковью, была умело использована в политических целях самим государством. Принятие русским государством православной религиозности и церковности под свою защиту, подпитало его авторитет. Благодарная Церковь придавала теперь уже национальной государственности черты сакральности и священного царства. С этим связывалась и идея создания Царства Божьего на земле. Такое слияния властей не создавало, однако, «симфонии». Церковь не претендовала на всеобщий охват даже в духовной сфере, ограничиваясь заботой об автономии собственной организационной и правовой сферы.

6. Идея «Москва – Третий Рим», только подчеркнула православный сакральный характер русского царствования, формализовала сам концепт «симфонии», выделив при этом ее пространственные координаты. Не изменяясь во времени, как некое смысловое единство,

«симфония» перемещалась по поверхности земли, тем самым актуализируя и усиливая свой овеществленный аспект: идея собирания земель уже была чревата этатистскими, «имперскими» амбициями.